

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

на правах рукописи

Цивьян (Михайлова) Татьяна Владимировна

КОНЦЕПТ ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА И СОВРЕМЕННАЯ БАЛКАНИСТИКА

Специальность
10.02.03.- Славянские языки (западные и южные)

н а у ч н ы й д о к л а д
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва
1992

Работа выполнена в Институте славяноведения и балканистики
РАН

Официальные оппоненты:

академик, доктор филологических наук Н.И. Голдтой

доктор филологических наук В.И. Нерознак

доктор филологических наук В.И. Постовалова

Бедущая организация - Институт языкознания РАН
Петербургское отделение

Защита диссертации состоится " _____ " _____ 1992 г.
в 16.00 час. на заседании специализированного совета
Д 002.97.01 по защите диссертаций на соискание ученой сте-
пени доктора филологических наук в Институте славяноведения
и балканистики РАН по адресу: 117334 Москва, Ленинский
проспект, 32-А, корпус "Б", 9 этаж.

С опубликованными работами автора можно ознакомиться в
библиотеке Института славяноведения и балканистики РАН
(Москва, Трубниковский переулок, 30-А).

Научный доклад разослан " _____ " _____ 1992 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат филологических наук

М.И. ЕРМАКОВА

Настоящий доклад основан на работах по балканистике, начатых автором в середине 60-х годов и отражённых в трёх монографиях, а также в статьях, рецензиях, обзорах, выступлениях на различных научных собраниях. Доклад представляет подведение некоторых итогов и попытку синтетически взглянуть на проблемы балканистики с учётом её современного статуса и перспектив. Такой аспект выбран ввиду довольно постоянной критики, которая ставит под сомнение целесообразность существования балканистики в качестве самостоятельной научной дисциплины и тем самым её будущее (ср. периодически возникающие вопросы типа "Балканистика, камо грядеши?"). К тому же далеко неоднозначно и отношение к балканистике самих балканцев - от неприятия идеи "похожести на соседей" до приписывания своему (языку, традиции и т.п.) значения исключительности ("балканский по преимуществу" и тем самым исконный). Дискуссионная линия не только сопутствует балканистике, но в определённом смысле становится её необходимой частью. Действительно, концептуальный аппарат балканистики строится на основе как бы разнонаправленных устремлений; может быть, это и служит стимулом её развития и своего рода гарантом её существования.

ПРЕДМЕТ БАЛКАНИСТИКИ

Балканистика, в широком и современном понимании её предмета, занимается составлением цельной "общеевропейской" картины мира из мозаики частных "балканских", принадлежащих народам, которые населяют (и населяли) Балканы и в силу ряда обстоятельств (сводимых обычно к историческим и генетическим) находятся в ситуации постоянных контактов. Этот весьма своеобразный симбиоз привёл к столь значительным типологическим схождениям, что стало возможным говорить о балканском этноязыковом и этнокультурном единстве. Именно на языковом уровне чётче всего проявились и раньше всего были замечены типологические схождения, на язык была ориентирована балканистика с самого начала, и балканская лингвистика стала её краеугольным камнем. По мере же утверждения глобального подхода к тому, что можно называть "контактами между людьми", всё более значительное мес-

то в балканистике стали занимать фольклористика, литературоведение, история, этнология, археология, искусствоведение, культурология и т.д.

Само определение точек приложения сил вызывает полемику, и тем более острую, что в разных областях "балканские единицы" группируются по-разному. Например, сербохорватский язык входит в балканский языковый союз (БЯС)* только частью своих диалектов, но невозможно говорить о балканском пространстве, о балканской картине мира без сербохорватской традиции в целом. Анализировать же сербохорватскую традицию вне языка невозможно, но тогда в свою очередь надо пересматривать его место в БЯС. Число примеров, свидетельствующих о подвижности и размытости границ, может быть умножено; соотношение центр-периферия также не решает проблемы, поскольку и здесь в разных областях (как географических, так и предметных) оно может меняться.

Следующий шаг – определение принципов отбора. Должна ли балканистика включать всё, что ареально, исторически, генетически принадлежит Балканам, или только то, что имеет особую балканскую специфику (то, что на лингвистическом уровне называется балканизмами)? И если верно второе, то в какой степени выявление и изучение балканизмов выходит за пределы балканистики как таковой, иными словами, в чём общетеоретическое её оправдание?

Сказанное определяет то, что можно назвать амбивалентностью статуса балканистики как внешнего – она включает в себя многие дисциплины, и не равна ни одной в отдельности, так и внутреннего, когда ареальная сетка обуславливает самые необычные смещения. Эта особенность отражает, как кажется, суть балканистики, не давая считать её всего лишь ответвлением ареальной типологии и лингвистической географии. Может быть, амбивалентность была заложена в балканистику при самом её возникновении в результате слияния п р а к т и -
ч е с к о г о описания материала и т е о р е т и ч е с -

* ЯС – языковый союз, БЯС – балканский языковый союз, ММ – модель мира, БММ – балканская модель мира.

к о г о прорыва в новые области лингвистического анализа, прорыва, хотя и приуроченного к балканской ситуации, но не ограниченного ею.

"LINGUISTIQUE BALKANIQUE" И КОНЦЕПТ ЯЗЫКОВОГО СОЗДА

В 1930 г. Сандфельд выпустил свой остающийся классическим труд "Балканская лингвистика. Проблемы и результаты" (о предтечах балканистики – Гунман, Миклошич, Йокль, Вейганд и другие – мы здесь не говорим). Сандфельд тщательно собрал и перечислил основные схождения между балканскими языками – те самые балканизмы, которые по сию пору остаются главным критерием для включения конкретного языка в состав БЯС. В набор балканизмов входит: отсутствие инфинитива и замена его так называемым балканским конъюнктивом, образование будущего времени со вспомогательным глаголом хотеть, постпозитивный артикль, слияние родительного и дательного падежей и вообще тенденция к падению склонения, т.е. к аналитизму, местоименная реприза. Этот набор сохранился без изменений, лишь с некоторыми дополнениями, носящими скорее частный характер (аналитическое образование степеней сравнения, энклитика личного местоимения в посессивной функции и нек. др.). Сандфельд выделил 150 балканских схождений, 20 из которых проходят по всем языкам (сюда включены и данные лексического уровня; лексике Сандфельд уделит особое внимание).

Книга Сандфельда была и осталась практическим пособием по лингвистической балканистике, балканистической энциклопедией. Богатый и достаточно систематизированный материал вызвал к жизни различные гипотезы о причинах сближения балканских языков, при том, что их единство (и даже сам взгляд на балканские языки как на некое единство) считалось спорным, а основные усилия были направлены на то, чтобы установить зоны преимущественного влияния, отвести отдельным языкам первенствующую роль в БЯС, приписать происхождение того или иного балканизма конкретному языку, включить в этот круг теорию субстрата.

И в это же время возникают революционные идеи о специфическом виде языкового взаимодействия, возникавшем при контакте географически смежных (при географической же неограничен-

ности пространства) языков, идеи, которые связаны прежде всего с именем Н.С.Трубецкого (1928 г.) и развиты Якобсоном и другими членами Пражского лингвистического кружка. Этот вид взаимодействия и был назван языковым союзом в противоположность языковой семье; он предполагал рассмотрение ограниченного ареально языкового сообщества как единой системы с особым строением и особыми закономерностями развития, вытекающими из свойств самой системы. Балканские языки, благодаря компактности своего положения, ярко проявляющимся схождениям, дали весьма эффектный материал для экспликации новой теории, и Трубецкой в полной мере этот материал использовал. Соотношение теории (ЯС) и практики (схождения балканских языков) было именно таким, но использование балканских данных породило определённый перекося в восприятии как концепта ЯС, так и статуса балканских языков по отношению к этому концепту. К сожалению, этот перекося оказался не просто живучим: он сохранил принципиальное значение в определении балканистики как репрезентанта по преимуществу теории языковых союзов, что возвращает к сомнениям в целесообразности её существования как самостоятельной дисциплины. В последнее время этот взгляд был наиболее решительно сформулирован Фёйе (1989 г.): по его мнению, концепт ЯС в применении к балканистике необязателен – Сандфельд обошелся без него, и тем не менее его компендиум не утеряд своей значимости до сих пор; Трубецкой формулировал основы ЯС на материале балканских языков и для балканских языков – стоит ли расширять лингвистическую терминологию за счёт понятия, которое может быть удовлетворительно приложено только к одному примеру (БЯС); наконец, следует вновь "пересмотреть" статус балканских языков, чтобы выяснить природу их схождения – "упали они с неба или были посланы провидением".

Такой приговор теории ЯС (и соответственно концепту БЯС) заставляет с большим сожалением признать, что балканисты, для которых эта теория должна была бы стать если не основным инструментом исследования, то по крайней мере весьма действенным подспорьем, не только недооценили, но, как явствует из приведённого выше пассажа, не поняли идеи Трубецкого. Определение ЯС было воспринято как постулирование некоей внеположной

данности-реальности, и реакцией стало стремление как к опровержению самой этой данности, так и к критике определения как такового. Тем самым был упущен основной и наиболее плодотворный смысл концепта ЯС – его принципиальная конвенциональность.

Концепт ЯС (и далее БЯС) – это инструмент анализа, открывающий новые измерения языкового пространства, новые интерпретации языковых процессов (прежде всего конвергенции и дивергенции), новые параметры классификации языков (и тем самым новые повороты ареальной типологии и лингвистической географии); в этом, как представляется, заключалась суть концепции Трубецкого. Новый взгляд на оппозицию языковые семьи/языковые союзы позволил представить в новом свете взаимоотношения языков во времени и пространстве. Специфика ЯС и, конечно, БЯС в том и состоит, что генетически родственные языки обнаруживают сходения типологического свойства, а то, что это именно типология, проверяется отходом языков-членов ЯС от своих генетических собратьев, в ЯС не входящих; один из наиболее показательных примеров – балканославянские языки-члены БЯС (болгарский, македонский, сербские диалекты): они объединены такими балканизмами, как падение склонения, замена инфинитива конъюнктивом и т.д., т.е. чертами, отделяющими их от других славянских языков, при сохранении общеславянской, т.е. генетической, близости. О такой ситуации писал Якобсон в 1936 г.: «... сходство в структуре независимо от генетических отношений данных языков и может связывать равным образом как языки с общим происхождением, так и языки разного происхождения. Сходство структур, таким образом, не противостоит "изначальному родству", а накладывается на него». Цитируемая работа Якобсона является, кстати, первым практическим приложением концепта ЯС – и отнюдь не к балканским языкам, а к фонологическим системам евразийских языков. Смысл постулирования евразийского ЯС был, как представляется, и в том, чтобы приложить классификационную схему Трубецкого к громадному языковому пространству; это позволяло обнаружить совершенно иного масштаба связи между языковыми системами, связи, которые должны быть интерпретированы на совершенно ином, нежели плоско позитивистский, уровне.

К сожалению, этот мощный рывок, теоретическая глубина и разрешающая сила которого опровергают упреки в порочном круге (концепт ЯС возник из балканских языков и для них), в дальнейшем оказался как бы рассредоточенным, несмотря на большое число серьёзных и плодотворных исследований. Балканистика не-сколькo "увязла" в доказательствах или опровержениях того, существует ли БЯС "на самом деле", а если это реальность, то как объяснить её, исходя из реальности же. Тем самым в стороне осталась конструктивно-операционная сторона самой идеи ЯС как способа описания, а призывы к комплексному изучению таких "супер-Балкан", как Индия, Израиль, Америка (Вайнрайх) не получили нужного отклика.

Итак, критика концепта ЯС с прагматических позиций, эмпирическая проверка теории повседневным опытом приводила к победе *common sense*, что, как нередко бывает, становилось тормозом в развитии мысли. Между тем, если бы концепт ЯС рассматривался с самого начала в строго конвенциональном смысле, то, возможно, не возникли бы многие возражения. С другой стороны, выяснилось бы естественным путём, предполагает ли объединение в ЯС тесную региональную близость, и насколько имеет смысл объединять по структурным изоглоссам языки без требования их географической и исторической сопряженности: напомним, что одним из возражений против БЯС с его набором балканизмов было наличие постпозитивного артикля в скандинавских языках и т.п., и вообще неуникальность, если не тривиальность этих самых балканизмов.

Конвенциональный по преимуществу термин ЯС делает возможным определять балканскую лингвистику как науку об отношении систем отдельных балканских языков друг к другу и к постулируемой "извне" общей системе БЯС, представленной в виде особого рода грамматического языка-посредника, также сугубо конвенционального. Сама идея языка-посредника возникла из двух в чём-то, может быть, противоположных оснований. С одной стороны, актуальность этой проблемы для Балкан (почему реальный язык-посредник, казалось бы, столь нужный, всё-таки не возник), побуждала к поискам какой-то замены реального языка иным средством общения-объединения "балканской жизни". С другой стороны, к необхо-

димости построения такой системы подводила теория ЯС.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЯЗЫКА-ПОСРЕДНИКА В СИСТЕМЕ БАЛКАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА

Анализ системы БЯС по диахронической и синхронической осям приводит к выводу, что в его основе заложена оппозиция динамичность/консервативность, оба члена которой обеспечивают сохранность БЯС во времени и пространстве. Принципиальная динамичность БЯС обеспечивается постоянным действием тех сил, которые в конвенциональном плане определяются как балканистические процессы. Под ними подразумеваются языковые контакты как таковые; тем самым предполагается, что схождения балканских языков могут импульсироваться и причинами более общими, чем соприкосновение *hic et nunc*; тогда, следовательно, изменения в системе могут происходить и при отсутствии непосредственного контакта, т.е. как бы подчиняясь "дистанционному управлению". Эта готовность к изменениям уравновешивается стремлением сохранить в неприкосновенности те ядро, которое должно не просто обеспечивать выживание каждого члена БЯС и не просто подтверждать его существование, но поддерживать его жизнеспособность и самодостаточность, способность к саморазвитию.

Поэтому, когда в качестве эталона описания выбирается эвентуальный "общербалканский язык", "язык-посредник" на грамматическом уровне, речь ни в коем случае не идёт о свёртывании индивидуальности каждого из балканских языков. Язык-посредник представляет собой абстрактную систему символов, которая обеспечивает экономное описание любого балканского языка в общербалканистическом аспекте и вырабатывает приёмы, позволяющие с минимальными усилиями переходить от языка-посредника к любому конкретному языку и обратно, а также от одного балканского языка к другому. В этом смысле в качестве эталона может быть выбран и любой балканский язык, при условии, что набор правил пересчёта будет достаточно экономным. Постулирование грамматического языка-посредника в системе БЯС предполагает и построение грамматики БЯС. В нашем случае был выбран синтаксический уровень: он легче всего позволяет соединить синтагматический

план (текст) с парадигматическим (система) и наиболее очевидно осуществляет "координацию по вертикали" всех языковых уровней, от фонологического и морфологического, служащих для него конституентами, до семантического, конституентом которого служит он сам. Постулирование "балканского текста" как самостоятельной единицы оказалось впоследствии необходимым элементом той общевалканской картины мира, в которой язык играет совершенно особую роль.

И в качестве чистой абстракции единая грамматическая схема БЯС представляется полезной как для типологических описаний, так и практически, вплоть до задач перевода и обучения. Кроме того, нельзя не учитывать и реальной ситуации, где может быть использована подобная грамматическая схема: многочисленные ареалы дву- и многоязычия на Балканах, когда в акте коммуникации постоянно присутствует необходимость перехода с языка на язык. Правомерно предполагать, что собеседники используют в этих случаях некую абстрактную модель, позволяющую производить мгновенный переход с одного языка на другой. Механизм перехода отработан: "подгонять" конструкции одного языка к другому - проще и эффективнее, чем осваивать их каждый раз заново. Составить "балканскую" грамматику означает выявить и систематизировать то, что существует у говорящих на подсознательном уровне и, может быть, скрыто от них самих. Грамматика БЯС - это грамматика, рассчитанная на язык с несколькими терминами, т.е. с несколькими лексическими наборами, соответствующими разным балканским языкам.

Приступив к попытке составления грамматики БЯС на синтаксическом уровне, мы выбрали в качестве исходного материала литературные языки в их письменных вариантах, считая что есть логика в том, что предельно обобщённая схема ориентирована на ограниченный, отлитой и в некотором смысле условный языковой вариант. Здесь можно видеть аналогию с нормативной грамматикой, которая строится на своего рода дистиллированном фрагменте языка, где особую значимость имеют критерии правильности/неправильности как некоторой условной нормы. Усвоенный на основе такой жёсткой схемы язык в своём реальном функционировании может от неё отталкиваться, даже опровергать. Нормативная грамматика -

это вытяжка из языка, почти фикция, идея которой состоит в том, что в ней в свернутом виде заложены способы перехода к многообразным и изменчивым реалиям живого языка. Так и предельно сухая грамматическая схема БЯС может быть развернута в описание балканских языков в их динамике.

С другой стороны, и не в противоречие сказанному выше, для балканских языков такой переход является оправданным из-за особенностей понятия "литературный язык" в системе БЯС. В принципе литературные балканские языки создавались на основе конгломерата вариантов (ареальных, исторических и т.п.), т.е. на о б о г а щ е н и и некоего абстрактного языка, а не на о г р а н и ч е н и и его жёсткой правильностью (на противоположном принципе, пожалуй, основана последняя реформа албанского литературного языка, поставившая целью нивелировать различия между гегским и тоскским в пользу общепалбанского языка, оказавшегося при этом схематизированным по варианту грамматической схемы БЯС, к чему авторы реформы, конечно, не стремились). Можно говорить, что система литературного языка для БЯС в принципе нестабильна и допускает большее число вариантов, чем это было бы возможно в языке с окончательно отработанной литературной нормой.

Особая динамичность БЯС, обусловленная действием балканистических процессов, в свою очередь имплицитно подразумевает относительное безразличие к единственности решения: на каждом этапе открывается возможность выбора по меньшей мере двух способов выражения одного и того же смысла (например, синтетическим и аналитическим способом). Поскольку любое сопоставление балканских языков внутри БЯС ориентируется на некую интуитивно ощущаемую общую схему, была предпринята попытка материализации этой схемы: построение грамматики БЯС как каркаса структуры н е с - к о л ь к и х языков. Помимо ряда практических преимуществ этот подход представляется плодотворным и в теоретическом плане: если считать, что механизм балканского многоязычия основан на инварианте, обеспечивающем переход к конкретным языкам, то грамматическая схема языка-посредника в системе БЯС как раз и соответствует этому инварианту, возникающему в процессе многоязычных контактов.

ПОСТРОЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СХЕМЫ БАЛКАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА

В соответствии с этими задачами устанавливалась синтаксическая схема БЯС. Предварительно были составлены однородные описания синтаксических систем отдельных балканских языков-членов БЯС (албанский, болгарский, македонский, новогреческий, румынский); затем эти описания были сведены воедино, и на их основании была построена синтаксическая схема БЯС. Балканские языки были описаны способом, впервые применённым к синтаксису пали (Елизаренкова, Топоров). Суть его состояла в том, чтобы определить для каждого языка инвентарь элементарных синтаксических конструкций (ЭСК). ЭСК представляют собой минимальные, как правило, двучленные элементы текста, в которых реализуются все известные типы связей между словами в простом предложении (подчинительная - согласование, управление и примыкание - и сочинительная), т.е. перечисляются все существующие в языке комбинации полнозначных и неполнозначных классов слов (имя и глагол, имя и прилагательное, имя и предлог и т.д.). Набор ЭСК представляет собой инвентарь для построения предложения, сначала простого, затем сложного и (со всеми возможными трансформациями) задаёт набор основных синтаксических отношений. Составленные таким образом синтаксические схемы балканских языков были затем сведены воедино и образовали синтаксическую схему БЯС, которая позволила прийти к выводам общего плана, во многом для автора неожиданным.

В основе нашего подхода была прежде всего та мысль, что грамматическая система БЯС, понимаемая как концептуальный язык-посредник с несколькими терминами, отнюдь не безразлична к своим "терминам" и потому должна сочетать условность и обобщённость с ориентацией на каждый конкретный язык; в противном случае это была бы схоластическая конструкция, ещё одна классификационная схема. Поэтому было сочтено необходимым сохранить ту двойственность или даже многовариантность (вс. амбивалентность), которая пронизывает систему БЯС на всех уровнях, вплоть до семантического, где это свойство находит особенно отчётливое выражение. На грамматическом уровне многовариант-

ность проявляется прежде всего в сочетании синтетизма и аналитизма, финитных и нефинитных глагольных форм, паратаксиса и гипотаксиса и т.д. Эти контрастные конструкции в БЯС сосуществуют, создавая друг другу фон; это происходит не только на межъязыковом уровне, но и внутри одного языка. Учёт вариантов-дублетов естественным образом увеличил список ЭСК, формирующих синтаксическую схему БЯС, уведя его от теоретико-множественного произведения, т.е. от набора только тех конструкций, которые проходят по всем балканским языкам-членам БЯС. В результате набор ЭСК синтаксической системы БЯС оказался равным 21 (см. приложение с примерами на условном, "балканизированном русском"). Эта схема представляет собой лингвистическую матрицу, в которой отливается всё, что затем поступает в БММ.

В контексте полемических рассуждений о целесообразности объединения балканских языков в союз нередко делается упор на не-уникальность балканизмов. На первый взгляд, избранный метод описания такую усреднённость подтверждает: возникает соблазн подстроить под эту же схему какой-нибудь другой, небалканский язык, что, как будто, получается. Но в том и особенность БЯС, что его уникальность создаётся монтажом неуникальных элементов. Необычное возникает из обычного благодаря тому, что сам монтаж построен на противопоставлении составляющих и одновременном их сосуществовании и перетекании друг в друга.

Приведём лишь некоторые примеры. Отдельные языки, входящие в БЯС, и соответственно вся система БЯС в целом, балансируют между падежами и предлогами. Этот баланс - не в пользу падежей, поскольку, кроме предлогов, они стираются всё более активизирующейся аппозицией. Однако пренебрегать склонением или даже недооценивать его роль в БЯС было бы совершенно неверным, хотя, с другой стороны, нельзя не отметить характерную для БЯС "игру на минимуме приёмов": в масштабе БЯС категория склонения регулярно поддерживается приблизительно десятком местоименных форм. Другой пример - категория сложных слов, представленная во всех балканских языках. Показательно, что наиболее развита она в новогреческом, т.е. в языке с максимальным набором флективных средств, и менее значительна в славянском фрагменте

БЯС, где скудость формального инвентаря приводит к весьма чёткому выражению аграмматической тенденции. Актуальность и продуктивность категории сложных слов в новогреческом в определённом смысле можно трактовать как борьбу с собственной флективностью (и даже с предложными конструкциями) в пользу нулевого выражения синтаксических связей.

Другая нетривиальная особенность синтаксической системы БЯС состоит в том, что ей свойственно притягивание друг к другу служебных (неполнозначных) элементов, что создает в определённых точках текста их скопление, цепи. По своей функции эти цепи являются особо отмеченной точкой БЯС; они представляют собой структурный остов предложения, на котором крепятся остальные - полнозначные элементы. И тут, вполне в духе БЯС, происходит своего рода структурно-семантическая инверсия: самые короткие, неполнозначные лексемы ("словечки", "частицы") как бы укрупняются и становятся более маркированными по смыслу и по функции, чем полнозначные элементы. Они играют роль фиксаторов, занимающих в предложении единственные или во всяком случае предсказуемые позиции, в то время как остальные элементы предложения "плавают" достаточно свободно на оставшихся местах. Нельзя не упомянуть и их фонетическое оформление, направленное на звукопись; это как бы звуковые жесты (Поливанов), соединяющие чистый дейксис с некоторой эмфазой: в этом смысле оппозиция неполнозначных элементов полнозначным, кроме чисто функционального, имеет ещё и несомненное эстетическое значение.

Уже эти примеры дают, как представляется, общий очерк той динамической картины, которую представляет собой грамматическая система БЯС. Если идти дальше, то с синтаксисом, семантикой БЯС, вообще с его структурой в широком плане может быть сопоставлен процесс медиации, как он понимается в фольклоре. Медиация, или примирение противопоставленных членов оппозиции, результатом которого является достижение более высокой ступени; приводит как бы к двойной маркированности, когда в общий фонд сливаются "взнос" обоих членов оппозиции. Финальный результат превосходит инициальный статус как раз потому, что примирение опозитов приводит к возникновению нового смысла,

новой категории, словом, новой единицы, принадлежащей более высокому уровню. Действительно, когда мы рассматриваем такие типичные черты БЯС как слияние родительного и дательного, нейтрализацию по модальности, по залогу, "уравнение" подчинения и сочинения (аппозиция, взаимозаменяемость конструкций с союзами и и чтобы) и т.д., то такого рода явления и тенденции нельзя интерпретировать как безразличие языка к дифференцированному выражению смысла. Напротив, перед нами – более масштабная классификация, переход к тому уровню, где факт противопоставления перекрывается единством диалектического характера, позволяющим распознать в оппозиции способ глобального описания объекта, добиться большей смысловой ёмкости, имплицитной и явной амбивалентности и имплицитной её.

Синтаксическая схема БЯС, снабжённая правилами перехода к каждому из балканских языков и обратно, так же как правилами межъязыкового перевода, приводит к ряду существенных выводов по поводу механизма межбалканских контактов. Конвенциональный язык-посредник БЯС может быть представлен следующим образом: он адекватно описывается единой грамматикой БЯС; его словарь в определённом смысле соответствует словарю языка с высокой степенью синонимии. При переходе с одного балканского языка на другой ставится задача перехода от метаграмматики к реальной грамматике и от металексемы к реальной лексеме. Разумеется, это язык-посредник особого рода, так сказать, высшего порядка, предполагающий, что глубинная общность балканских языков имеет в основе не только общую структурную схему, но и некоторый общий инвентарь для её воплощения. Однако это ни в коем случае не означает унификации балканских языков.

ОППОЗИЦИЯ ПОХОЖЕСТЬ/НЕПОХОЖЕСТЬ И МЕХАНИЗМ КОНТАКТОВ

Чем обоснованнее и естественнее выстраивается общее в БЯС, чем успешнее единый и экономный набор ЭСК обслуживает балканские языки – все вместе и каждый в отдельности, – тем ярче и

настойчивее выступает индивидуальность, несмешиваемость, консервативная прочность каждого из них. "Несомненность БЯС" (в конвенциональном смысле) встречает сопротивление в столь же несомненном своеобразии каждого языка (ср. особенно балканославянский фрагмент БЯС - расхождения в близкородственных языках).

Ситуация настоятельно требовала введения специального критерия описания, и таким стала оппозиция похожесть/непохожесть. Эта, на первый взгляд расплывчатая и неэнергичная, терминология введена для того, чтобы представить онтологическую суть проблемы и избежать того механицизма, который присутствует в оппозиции сходство/различие с экстенсивным перечислением соответствующих примеров. Суть введённой оппозиции в том, чтобы описывать балканские языки одновременно как похожие и непохожие друг на друга; это вновь обращает нас к процессу медиации. Примирение противопоставленных членов приводит не к усреднению ("в чём-то похожи, а в чём-то непохожи"), но к особому статусу, в котором похожесть не означает унификации, а непохожесть не опровергает наличие единой структурной схемы. Переходя на бытовой уровень, можно сказать, что балканские языки воспринимаются как похожие или даже удивительно похожие, поскольку похожесть проявляется и в более общем, и в почти неожиданных деталях. С другой стороны, они столь же непохожи, несмешиваемы, индивидуальны. Это особенно очевидно при сравнении параллельных текстов на балканских языках, где без перехода на уровень глубинных структур трудно воспринять как идентичные такие конструкции, как, хотя бы, 'дом отца': алб.

shtëria e i atit, болг. къщата на баща, мак. куќата на татко, нгр. то аџџи тоу паџџа, рум. sava tatălui. В своём взаимодействии оппозиты как бы питают, высвечивают друг друга.

Похожесть балканских языков не была бы столь яркой, не воспринималась бы так живо, если бы она не подкреплялась непохожестью и наоборот. В нашем собственном опыте оказалось, что именно описание системы БЯС через ЭСК, чрезвычайно высокая степень совпадения отдельных "балканских наборов ЭСК", почти непредвиденная лёгкость приложения единой схемы ко всем языкам БЯС

заставила по-новому и с особой остротой ощутить основоположную индивидуальность балканских языков, их сугубую "разность".

Это, в свою очередь, позволило по-новому интерпретировать механизм БЯС: он основан не столько на схождениях балканских языков, вызываемых требованиями коммуникации в условиях контактов, сколько на постоянно актуальном симбиозе их похожести и непохожести. Следует подчеркнуть, что действие балканистических процессов направлено на выработку единой метаструктуры, а не единого языка. Постулирование взаимодействия факторов похожести и непохожести в системе БЯС побуждает выйти за пределы списка балканизмов и обратиться к наблюдениям за гораздо более обширным кругом явлений. Это, например, различные совпадения между отдельными балканскими языками в разных количественных и качественных комбинациях, совпадения между балканскими и небалканскими языками из ближнего и дальнего окружения (ср. средиземноморский ареал, балто-балканский ареал и т.п.). Эти явления репрезентируют самую жизнь БЯС, её динамику, постоянное кипение балканистических процессов, наложение конвергентных и дивергентных явлений, выплёскивающееся за границы БЯС, во многом, впрочем, условные. Вся совокупность этой "жизни БЯС" формирует ту ткань, из которой кристаллизуется система БЯС.

Однако нередко весь этот материал как бы повисает в воздухе и остаётся невостребованным: слишком жёсткой оказывается традиция приписывать ранг "балканизма" лишь тем явлениям, которые проходят по всем балканским языкам-членам БЯС. Безусловно, этот путь определения балканизмов надёжен и защищает от экстенсивности, для установления же каркаса БЯС и, следовательно, его границ он, пожалуй, и единственно надёжен. Однако такого рода "ограничительный" способ описания разумен до определённых пределов: постепенно и естественно, имплицитруемая материалом, поставляемым самой балканской ситуацией, намечается и другая возможность определения балканизма, идущая в следующем направлении: балканизмы - изменения, проходлящие по всем языкам, —> балканизмы - изменения, проходлящие по группам балканских языков, —> балканизмы - изменения в

отдельном балканском языке. Последнее утверждение может показаться неосторожным, но, будучи столь же крайним, как и первое, оно и должно восприниматься как условное. Сужение списка балканизмов необходимо для установления максимально общей структуры БЯС, и оно предельно как исходная точка, до которой о БЯС не имеет смысла говорить; однако очерченная таким образом модель имеет значение и начальной точки, после которой только и имеет смысл говорить о БЯС.

Если считать балканистичными структурные изменения, которые возникают в любых комбинациях контактирующих балканских языков, - с тем прогнозом, что в дальнейшем данное изменение может коснуться и большего числа языков (а в пределе - всех), то довольно скоро возникнет проблема: как трактовать схождения в балканских языках при отсутствии непосредственных контактов между ними? Очевидно, к прямым контактам надо прибавить и не прямые, к непосредственным - опосредованные и включить и те, и другие в понятие балканистических процессов, под которыми понимается втянутость данной языковой зоны в состояние взаимодействия, уже перешедшего рубеж зависимости от непосредственных контактов. Иными словами, балканистические процессы предполагают чуткую реакцию языка на любое возмущение системы, вызвано ли оно реальными контактами или более общими причинами. К числу последних может относиться подспудно осознаваемая общая схема БЯС, как бы давящая на своих носителей.

Теория контактов предполагает установление источника и объема интерференции. В приложении к БЯС эта идея оказывается малопродуктивной. В балканских языках, прошлые состояния которых, хотя и в разной степени, но достаточно известны, не может быть с достоверностью установлен ни один "по преимуществу балканизморождающий язык", и причина этому, как представляется, не (или не только) недостаток источников, но и особенности БЯС, где наиболее фундаментальные схождения возникли как бы из нуля: в основе их лежала не с у б с т а н ц и я, а и н т е н ц и я. Такая трактовка механизма БЯС не претендует на истинность в философском смысле, но она, по крайней мере, операциональна, что немаловажно, поскольку операционность сама по себе мо-

жет приблизить истину.

Принимаемая нами точка зрения состоит в априорном отказе от соотношения источник – объект заимствования. Взамен этого выдвигается идея существования некоей общей модели БЯС (приблизительно соответствующей диаструктуре Вайнрайха), на которую ориентированы структуры отдельных балканских языков. Эта модель конвенциональна, как сугубо конвенциональны и вытекающие из неё следствия: любое изменение в структуре отдельного балканского языка есть прежде всего результат воздействия на него модели БЯС, а не контакта с другими языками. Модель БЯС понимается в двух аспектах: 1) как схема грамматической (синтаксической) структуры БЯС; 2) как схема, выводящая к анализу характера и направления балканистических процессов. Состояние системы БЯС на уровне выведенной модели может быть сформулировано следующим образом: в БЯС сосуществуют центростремительные и центробежные процессы; формирование гомогенного ядра, собирающего характеристики языков-членов БЯС, сочетается со свободой, принципиальной неоднозначностью, многовариантностью. Соприкосновение с языковым материалом БЯС уводит от эволюционистского подхода к механизму БЯС как к развивающемуся линейно, от частного к общему, от разного к единому. Соотношение похожести/непохожести постоянно контролирует статус балканских языков в кругу БЯС: их структурное единство несомненно (что и оправдывает построение грамматики БЯС), но при этом балканские языки не похожи друг на друга. Выработка единой системы как бы стимулирует противоположный процесс – сохранение исторических и генетических корней, живое ощущение своего прошлого, что и гарантирует непохожесть. Противоположные тенденции не опровергают, а усиливают друг друга – следование правилам не отрицает свободы, единство не означает одинаковости, а различие – отсутствие единства.

БАЛКАНСКИЙ ЯЗЫКОВЫЙ СОЮЗ И ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

Описание системы БЯС только с точки зрения единства структуры балканских языков является таким образом неполным и односторонним. Для преодоления этой односторонности вводится

критерий коммуникации. Предполагается, что и в своём единстве, и в своём разнообразии система БЯС ориентирована на осуществление коммуникации в затруднённых условиях; поэтому в основу должна быть положена коммуникативная модель, ориентированная на балканистические процессы и независимая от пространственно-временных параметров. В коммуникативную модель не включается понятие степени балканистичности: балканистичны все языки постольку, поскольку они входят в БЯС и следовательно "подгоняют" своё устройство к оптимальному осуществлению коммуникации в условиях балканского многоязычия. (Естественно, коммуникативную модель нельзя рассматривать независимо от формально-грамматической). Коммуникативная модель предлагает свой вариант будущей системы БЯС: очевидно, что балканские языки не разойдутся, если только не изменятся кардинально условия их существования, но вместе с тем и не объединятся в один язык: это им и не нужно, имплицитное единство настолько существенно, что оно не требует внешней идентичности, как родство душ не требует внешнего сходства.

Приступая к описанию коммуникативной модели, укажем, что она ориентирована на две основные характеристики коммуникативного процесса в условиях перехода с языка на язык: 1) изменение грамматической системы; 2) выработка способов установления и проверки контакта. К первому относится сознательное упрощение родного языка (*supersimplification*, по Вайнрайху), которое можно определять как стремление к аграмматизму. Аграмматизмом охвачены все балканские языки, хотя результаты этого процесса, наложенного на разный исходный материал, проявляются по-разному, и примеры "борьбы" балканских языков со своей грамматикой многочисленны. На коммуникативном уровне аграмматизм может быть приписан всем балканским языкам в качестве своего рода "над-балканизма".

Но здесь встаёт вопрос об уровне смысла. Крайний случай аграмматизма - соположение исходных словоформ - в принципе соответствует выражению любого смысла. Каковы бы ни были средства выхода из этой ситуации в конкретной ситуации, имен-

но на основе аграмматизма, вырабатывается столь характерное для системы БНС (и шире - для БММ) стремление к принципиальной амбивалентности. Вопрос о том, как при недостатке формальных средств выразить смысл однозначно, может быть решён парадоксально просто: 1/это несущественно, т.е. не мешает пониманию, отражая приблизительно такую закономерность: неопределённое - неопределимо; неопределимое излишне определять; 2) если смысл нельзя определить однозначно, значит он не единствен. Тем самым чистая грамматика переводит проблему на уровень философской интерпретации языка. Действительно, можно ли требовать от текста (ситуации) однозначности только на основании того, что эта однозначность постулируется нормативной грамматикой? Кажущаяся простота и кажущаяся "неразработанность" балканских языков оборачивается особой тонкостью, почти изощрённостью. В балканских языках, так же, как и в БММ, как бы не ставятся точки, в них нет окончательности, а лишь временные остановки, за которыми есть (или ожидается) нечто, может быть, более важное; это нечто может так и остаться закрытым; но именно это продвигает на более высокий уровень восприятия и познания мира.

Что же касается реализации контакта, то здесь акцент падает на неполнозначные элементы, на их цепи, образующие каркас конструкции, на которой крепятся полнозначные элементы (см. выше). Упрощённая грамматика ещё не гарантирует успешного осуществления коммуникации в условиях разноязычия; она может оказаться слишком нейтральной, для той острой ситуации, в которой встант по крайней мере ещё три задачи: 1) маркированность начала, "контактоустановление" (Малиновский); 2) проверка контакта на протяжении всего акта коммуникации; 3) выделение значимых элементов сообщения, что уже соответствует переходу на уровень смысла. Эти задачи и решаются прежде всего с помощью неполнозначных элементов - шифтеров ситуации (артикли, предлоги, союзы, приглагольные грамматические частицы, местоименные и глагольные клитики и т.п. и фатические частицы, прежде всего междометия). Этот же класс элементов имеет ещё один функциональный аспект, так же существенный для ситуации контактов: речь идёт о разрежении потока информации, когда для уяс-

нения смысла человеку требуется некоторый разгон, паузы в концентрированном сообщении.

Принятый здесь достаточно общий подход, с самого начала объявивший отказ от проблемы балканского *regretuim mobile* – генезиса балканизмов, при своей заведомой неуникальности являющихся основой длительного языкового сообщества, – всё-таки не позволяет миновать эту же самую проблему. Очень многое говорит о том, что балканские языки пошли по распространённому, если не универсальному пути приспособления языка к ситуации разноязычного общения. Более того, соответствующие аналогии прослеживаются и далее, выходя за пределы узуса современных языков по направлению к индоевропейской системе с её нанизыванием клитик в инициальной или вообще в пограничных позициях. Эти "индоевропеизмы" в одних случаях сохраняют и продолжают старое индоевропейское наследие; в других случаях речь идёт о своеобразной рекурсии, возвращении к состоянию, типологически близкому к индоевропейскому. Сказанное не противоречит высказанному ранее утверждению, что в основе БЯС лежит не субстанция, а интенция: балканские языки используют свои собственные ресурсы, модифицируя их применительно к требованиям момента – растянутого во времени и пространстве.

"СКВОЗНОЙ ПОДХОД":
ОТ БАЛКАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА
К БАЛКАНСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

Обращение, хотя и в несколько нетрадиционном плане, к генезису БЯС в связи с его исторической преемственностью, восходящей к индоевропейскому, заставляет вернуться к некоторым особенностям его внутренней структуры, постулируя более высокую степень взаимосвязи разных её уровней, строгое разделение которых является, скорее, фактором описания. "Сквозной подход" к БЯС приводит к представлению языковой структуры как многоярусной, где при переходе от яруса к ярусу обнаруживается некий промежуточный слой и где просматривается ось фонетика → семантика, т.е. обозначающее → обозначаемое, или звук → смысл. Постепенность перехода или "подъёма" уровней в языковой структуре помогает увидеть, как звуковая оболочка, обрас-

тая новыми дифференциальными признаками, получает статус, при котором материальная манифестация как бы отступает перед смыслом в чистом виде, однако не даёт забыть о себе как о столь же важном компоненте языковой единицы. Каждый языковой уровень представляет свой материал для формирования последующего, и если оказывается возможным построить синтаксис БЯС и на его основе перейти к семантике БЯС, а далее - к БММ, то нельзя забывать о том, что в начале этой грандиозной конструкции лежит, казалось бы, скромная, лепта звукового уровня.

По мере анализа всё больше и больше проявлялось давление материала на собственное описание. Амбивалентность, присущая системе БЯС, непрестанно происходящая в ней борьба и примирение оппозиций привели к тому, что и метаописание БЯС оказалось построенным на противоположностях. Так, казалось бы, неопровержимым является вывод о том, что *балканский язык есть *любой язык в условиях затруднённой коммуникации, что соответствующие изменения являются реакцией языка на "возмущение системы" извне, что и эти точки, и характер изменений более или менее предсказуемы. Можно идти далее и предполагать, что любой языковой союз, построенный на индоевропейской основе, будет однотипным балканскому. Но именно здесь настойчиво напоминает о себе положение, что БЯС уникален, что входящие в него языки в полной мере сохраняют свою самостоятельность и своеобразие и что, наконец, далеко не все соседи БЯС по региону поддаются балканизации. Следуя основному принципу структуры БЯС, не имело смысла стремиться к однозначному ответу, независимо от того, насколько это реально: индивидуальность и независимость развиваются на основе глубинного единства, и следует отказаться от попыток ввести БЯС в несвойственные ему рамки чрезмерного детерминизма.

Построение единой синтаксической схемы БЯС с самого начала предполагалось как некоторый промежуточный этап для перехода к следующему, семантическому уровню. Но строгое разграничение и здесь оказалось невозможным; более того, сухие и условные синтаксические конструкции выводили к проблемам человека и представляемой им картины мира, т.е. в конце концов - к БММ. Это, как представляется, индуцировалось состоянием с о в р е м е н н о й балканистики (как и современной лингвистики, осо-

бенно лингвистической семантики), характерной чертой которой является, во-первых, то, что она вольно или невольно стремится перейти границы только лингвистики, только фольклора или литературы и т.п., во-вторых, то, что ослабляется интерес к созданию глобальных схем. Возникает напряжённое внимание к иным проблемам, тем, которые описывают самое балканскую ситуацию. Она же, в свою очередь, может быть сформулирована как единство противоположностей или монтаж уникального из неуникальных элементов и отсылает далее, к ещё более глубокому слою, охватывающему духовную жизнь Балкан - к проблеме коммуникации в рамках я/другой.

Переход от языковых структур к неязыковым был запрограммирован концептом ЯС; стоит подчеркнуть, что Трубецкой включал ЯС в гораздо более обширную систему, а именно в то, что он называл изучением "национального самопознания", которым должна заниматься особая комплексная дисциплина - "этнософия". Предложенное им понятие "многонародной личности", которая проявляется в разных индивидуациях в соответствии с разными формирующими эту личность народами, как нельзя более приложимо к Балканам. Если перевести понятийную систему Трубецкого в современную терминологию, то можно говорить о семиотическом описании ММ как на уровне универсалий, так и в проекции на конкретные традиции. Такое описание учитывает разные коды, представляющие ММ, и особенно выделяет код лингвистический, который в определённом смысле составляет каркас ММ, а в нашем случае ближе всего подводит к концепту homo balcanicus, важнейшей строительной частью которого является язык.

ЯЗЫКОВЫЙ КОД В МОДЕЛИ МИРА

Переход к внемарксистическому уровню не означает расставание с языком: язык, напротив, оказывается универсальным орудием описания, классификационной сеткой, наконец, семантической основой картины мира. В этом смысле можно говорить об уникальности языка как особого кода ММ и о не менее уникальной ситуации, когда часть, элемент, орудие описывает целое и обращает своё действие не толь-

ко на положенный ему "участок", но на "работодателя" (MM) и на самое себя. В проекции на MM язык выступает в двойном аспекте: 1) как метакод MM, посредник для всех прочих кодов MM, а может быть, и как медиатор, выявляющий высшие смыслы; 2) как самостоятельный код MM, символический по преимуществу, код, которым может быть записана вся MM. Естественно, возникает соблазн определить функцию языка-кода как творческую, а функцию языка-метакода MM как техническую. Однако природа языка слишком сложна, чтобы допустить столь элементарную дихотомию. Пожалуй, наиболее точно описать двойной аспект языка в рамках MM (а в более широком смысле - вообще отношения между языком и MM), можно в духе рассуждений Вяч.И.Иванова о *forma formata*, понимаемой как "созидающая идея целого и всех его отдельных частей" и имеющей результатом *forma formata*. При этом операция *forma formata* действует в двух направлениях - и к MM и к языку, т.е.: как MM формирует язык, так и язык формирует MM. В терминологии Леви-Стросса, MM структурирует язык, а язык - MM, и то, и другое без прямолинейности и не слишком явно (бриколаж). Во главу угла при этом поставлен менталитет, классифицирующий и мир, и язык по единым правилам (Витгенштейн). В конце концов это возвращает нас к гумбольдтовскому "в языке мы всегда находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации".

Идя дальше в анализе взаимоотношений языка и MM, нельзя ограничиваться пониманием языка исключительно как средства коммуникации и сведением культуры к чисто информативным параметрам. Над этим поднимается творческий аспект языка и культуры в их высших и экстремальных состояниях; границы между языком и культурой становятся условными, поскольку язык начинает выступать как важнейший фактор самой культуры, мыслимой как содержание, реализующееся в языке; язык моделирует мир не только через сложение своих элементов в текст, но и через свою парадигму (Топоров). Тем самым постулируется понятие языка-текста: то, что считалось чистой парадигматикой, переходит на синтагматический уровень, становится текстом особого рода. Лингвистический уровень подталкивает к выходу за свои собственные преде-

лы, и это ощущается как насущная задача современной балканистики, свывшейся с идеей балканской модели мира – БММ – еще до того, как она была "узаконена". Наступило время, когда накопленный материал требует классификации и интерпретации, а теория указывает на особую роль языка в формировании БММ, так и в её описании.

БАЛКАНСКАЯ МОДЕЛЬ МИРА

Подходя к анализу БММ, мы с самого начала отказались от такого описания, которое по аналогии с БНС предполагало выработку единой схемы. Вполне возможно, что "неоявление Сандфелда" в этой области не так уж случайно: для БММ нужны какие-то иные критерии, бóльшая свобода, готовность к неожиданным переходам, от скольжения и перетекания до резких рывков. Поэтому было решено остановиться на некоем общем представлении БММ, высвечивающем те её фрагменты, детали, оппозиции, которые представляются формообразующими. Соответственно этот же принцип соблюдался и в отношении языка как кода БММ: и здесь анализировалось их о б щ е е соответствие и те языковые фрагменты, которые это о б щ е е отражают на категориальном уровне. Мы старались, насколько это возможно, отразить то многообразие БММ, которое, вырастая из схождения и поддерживаемое ими, перекрывает любую схему, пытающуюся разложить это многообразие по клеткам. БММ актуализирует понятия балканцы (в которое вкладывается и нечто большее, и нечто иное, чем только географическое указание на "место жительства") и балканский менталитет. Как и в случае БНС, первое же соприкосновение с каждым членом этой "многонародной личности", т.е. с каждым балканским народом, его традицией, духовной культурой, раскрывает их глубокую индивидуальность, неповторимость, непохожесть, даже контрастность. С этого контраста, с оппозиции тождество/различие (тот же самый/иной) в определённом смысле начинаются Балканы. Ситуация, может быть, не уникальная, но здесь имеющая особо высокий экстенционал. Поразительна разработанность самосознания, позволяющего почти моментально проходить ступени от балканца – предельно общего в данном масштабе понятия, которому противо-

поставлены все остальные, – до себя самого и своего дома, которым противопоставлен ближайший сосед. Существенная черта балканского менталитета – чувство исторической непрерывности, преемственности, которое исходит из исконной принадлежности к своему локусу. Ценность такого чувства своего времени и своего пространства бесспорна; другое дело, что это даёт возможность для идеологических, политических и т.п. манипуляций, искажающих исходное бескорыстие самой идеи.

Безусловно, одновременное ощущение общности и индивидуальности свойственны не только балканскому менталитету. Однако специфика Балкан – постоянные межэтнические контакты – реализует эту едва ли не универсалию в ярком, резком, особом, в балканском образе. Одно из свойств "балканскости" в аспекте БММ состоит, как уже выше было сказано, в том, что неуникальные явления складываются в уникальную мозаику. Это свойство было отмечено при анализе балканских языков в аспекте БЯС: по каждому из балканизмов можно образовать языковые сообщества, выходящие за пределы Балкан, но вне Балкан нет языка, который обладал бы необходимым минимумом балканизмов и нёс бы в себе тот энергетический заряд, который позволял бы судить о его прошлом и настоящем и в какой-то степени прогнозировать будущее. Можно снова сказать, что таким образом характеризуется любая, во всяком случае европейская ММ, но здесь речь идёт о конгломерате ММ, которые, собранные вместе и остающиеся самими собой, создают нечто общее, которое является бльшим и новым.

Говоря о "балканскости", вновь обратимся к БЯС: описание и представление балканского языка в балканистическом аспекте должно принципиально отличаться от других описаний того же языка – в кругу родственных ему, в свете общей типологии или даже в своих собственных пределах. Попадая в сферу БЯС, грамматика высвечивает те черты языка, которые и делают его балканизованным. Этот же принцип может быть положен и в основу описания БММ. Вряд ли на первом этапе, в наборе оппозиций встретится нечто, характерное исключительно для Балкан. Однако речь идёт о некоей целостности, порождающей иное, преобразующей тот материал, который, как казалось, не давал на это надежд, но, как оказалось, заклю-

чал в себе зерно преобразования. Общность БММ существует только на основе разного, поддерживается и питается прочной индивидуальностью балканских языков и традиций и, в свою очередь, питает и поддерживает эту индивидуальность. Различия, оказывающиеся тождеством (Фрейденберг), тождества, оборачивающиеся различием, – всё это создаёт перед участниками балканского диалога (или полилога) многообразные пути для ухода от выбора да/нет, т.е. от однозначности. Это создаёт и особое отношение к проблеме истинности, достоверности, и особые роли участников, которые произвольно (интенционально) усилиют или ослабляют неопределённость. Амбивалентность проявляется и в том, что стóбит членам БЯС/БММ объединиться на основе сходства, как раскрывается их индивидуальность, прорывающаяся через униформу общей структуры. Постулирование БЯС и БММ как конвенциональных концептов имеет смысл лишь постольку, поскольку сохраняется индивидуальность каждого из входящих в них членов.

Неопределённость, которая не даёт возможности сказать, когда же каждый из языков-членов БЯС балканизировался, значима и поддерживает то амбивалентное состояние, когда каждый язык и похож на другие и не похож. То же самое сохраняется и для БММ, где при переходе от общей схемы к уровню текста, т.е. от competence к performance, приходится также балансировать между одинаковым и разным. Понятие "одинокого балканизма", предложенное на языковом уровне (таким образом проявился характер языка – в гумбольдтовском смысле – в его балканской ипостаси) может, как представляется, с тем же основанием быть приложено к уровню БММ. В сопоставлении БММ и языка-кода избирается ориентация на "балканский макротекст", как на "мерцающий объект", определяемый только ответом на вопрос о сути самого феномена Балкан и об определении тех сфер, в которых он проявляется и которыми он формируется (полюсов). – Однако, отсутствие определения не исключает возможности выявления наиболее существенных характеристик этого феномена и тем самым – БММ. БММ может быть описана системой "нестабильных" противопоставлений, варьирующих свой экстенционал вплоть до нейтрализации или даже смены знака. В ко-

нечном итоге здесь действуют одновременно и бинаризм, и отрицание бинаризма.

Рассматривая БММ как целостность и единство, образованное дискретным и разным, в качестве первой классификационной сетки мы выбрали пространственно-временные оппозиции, которые в свою очередь были проецированы на человека, т.е. вписывались в антропоцентричную классификацию. Точкой отсчёта в этом случае служили относительные критерии - не имманентное пространство и время, а положение человека в пространстве и во времени. Человек перемещается в пространстве, время течёт, и в БММ это находит особое, свойственное только этой модели выражение. Одна из основных оппозиций, а для БММ, быть может, и главная - оппозиция внутренний/внешний, отражённая в других - закрытый/открытый, замкнутый/незамкнутый, близкий/далёкий, здесь/там, этот мир/иной мир и т.д. К этому набору присоединяются временные оппозиции свет/тьма, день/ночь и более подробное членение времени, основанное на цикличности (календарный год, век и т.п.). Сплетение пространственно-временных оппозиций создаёт в БММ весьма чёткую структуру. И следует специально остановиться на том, почему в рамках этой структуры пространственные оппозиции, и внутренний/внешний в первую очередь, можно считать определяющими семантическую структуру БММ, и каким образом оппозиция столь безусловно дихотомичная определяет семантику той ММ, для которой постулируется амбивалентность, уход от бинаризма (правда, преодолевать дихотомию умеет едва ли не любая ММ).

ОППОЗИЦИЯ ВНУТРЕННИЙ/ВНЕШНИЙ
И ЕЁ ТРАНСФОРМЫ
В БАЛКАНСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

Здесь, как представляется, главное то, что оппозиция внутренний/внешний является принципиально субъективной (исходя из понятия субъективности в языке, Бенвенист). Границы определяются в зависимости от человека, и они могут меняться, а вместе с этим меняются и границы собственности, т.е. того, что принадлежит человеку: одно теря-

ется, другое приобретается, свое становится чужим и наоборот. Если выделение замкнутого пространства имело целью отделить себя и свой мир от нерасчленённого внешнего и сделать главной ценностью только свое, внутреннее, то в перемене границ заключается возможность признания чужого, которое может стать своим (так же, как может произойти и отторжение своего, соответственно превращающегося в чужое). Органичность, с которой оппозиция внутренний/внешний превращается в коде социальных отношений в оппозицию свой/чужой, отмечалась неоднократно, и, как никакая другая, она связана с ориентацией человека в пространстве. Создаваемый человеком микрокосмос, т.е. "пространство в пространстве" макрокосмоса, внутри, в отделении от внешнего, создаёт не только уверенность в безопасности, но и ощущение себя и своего как самостоятельной и единственной в своём роде личности. Перекраивание границ в буквальном и переносном смысле, постоянная смена ролей победителя и побеждённого, миграционные волны, смены и сосуществование, изменение и возникновение племён, этносов, смена конфессий, схождение и отталкивание традиций, всё то, чем пропитано прошлое и настоящее Балкан, не может не оставлять резкий и глубокий след в БММ. В данном случае примечательна даже не лежащая на поверхности острота оппозиции свой/чужой, а необыкновенная динамичность в переоценке, в признании чужого и едва ли не одновременном его отталкивании, далеко не всегда обусловленном конкретной ситуацией.

На первый взгляд может показаться неожиданным, но в визуальном коде пространственная оппозиция внутренний/внешний (этот мир/иной мир) и социальная свой/чужой соответствуют оппозиции видимый/невидимый (видящий/невидящий). На разных вариантах реализации этой оппозиции строятся контакты этого и иного мира, решаемые в БММ достаточно разнообразными способами. Видение/невидение является не только средством связи двух миров в визуальном коде, но приводит и к заключениям иного плана: мотив внутреннего зрения-знания, преимущественно внутреннего зрения над внешним и особые свойства слепоты как условия истинного знания и самопознания (Эдип).

Какие бы оппозиции и в каком бы контексте ни рассматривать,

БММ так или иначе подводит к ситуации борьбы внутри оппозиций, с одной стороны, и к их примирению и объединению в самых разных сочетаниях, с другой. Амбивалентность, борьба с детерминированностью, неожиданные контрасты и столь же неожиданное растворение конфликтной ситуации прорывается в БММ на разных уровнях и предстаёт в разных воплощениях. И снова следует подчеркнуть, что хотя формально это может совпадать с универсальными образцами, здесь оно приобретает особый "балканский" образ. Самое существенное в БММ начинается после выделения оппозиций – не только потому, что следующим этапом будет их интерпретация, но и потому, что эти оппозиции, при всей своей определённости и несомненности, если можно так сказать, принципиально отказываются от однозначности: оппозиты меняют значение так ярко, что оппозиция преобразуется, – но при этом выделенный набор противопоставлений остаётся, и именно он определяет смысл и структуру сообщения в каждой данной ситуации. Эта форма функционирования оппозиций (или понятийного каркаса БММ) в определённом смысле может быть описана образом непрямого, окольного пути, воплощающего идею лабиринта, что несёт на себе несомненный отпечаток структуры балканского менталитета. Прямой, однозначный, определённый не отвечает требованиям БММ, твёрдо придерживающейся амбивалентности, при которой одна и та же оппозиция и в один и тот же момент может означать: или то/или другое = и то/и другое = ни то/ни другое, а над всем этим надстраивается модальность – может быть. Характерный для архетипического мышления бриколаж проявляется в БММ действительно как окольный путь (реализация метафоры, ср. жанр путешествий, занимающий столь отмеченное место в разных балканских традициях). Отпечаток недосказанности, ухода от ответа да/нет, загадочность, дающая ощущение какой-то смутной тревоги, безусловно, имеет мифологическую основу, связанную с архаическими традициями Балкан, в частности с их мистериальным прошлым (здесь должно быть отмечено восточное и прежде всего фракийское наследие Балкан, оставившее глубокий след в мистических культах таинственных божеств, особым способом связанных с нижним миром и тем самым подчёркивающих свою двуприродность, или ам-

бивалентность, ср. Залмоксиса).

ЯЗЫКОВЫЙ КОД БАЛКАНСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

Может показаться чересчур буквальным спрямлением, но рефлексом амбивалентности, принципиальной неоднозначности, возможности нескольких решений и отказа от единственного выбора, постулируемые для БММ, просматриваются в системе БЯС, где они отражаются прежде всего в так называемом стремлении к аграмматизму. Речь идёт не только об утрате ряда грамматических категорий, но и о неиспользовании того, что есть, собственных материальных ресурсов, которые привели бы к однозначному решению. Предпочтение аппозиции (и словосложения) подчинению, паратаксиса гипотаксису, т.е. стремление к простому соположению элементов; функциональная разветвлённость служебных элементов в сочетании со скудным их инвентарём, что снова приводит к многозначности; наконец, сам принцип синтетически простого и аналитически сложного языка – этот "языковой образ" БММ, как будто, вышел из греческих предсказаний, основанных на "загадочном слове", которое действует как тёмный и двусмысленный знак (Вернан). Воспринявший эти свойства от БММ, её языковой код поддерживает и укрепляет их уже своими собственными средствами: он как бы их кодифицирует. Возвращаясь к примеру загадочных предсказаний, можно сказать, что загадочность обеспечивается (или по крайней мере поддерживается) тем, что на собственно языковом и более того, на грамматическом (морфо-синтаксическом) уровне текст строится таким образом, что изначально предполагаются разные прочтения, т.е. разные интерпретации.

Экспликация характеристик БММ на уровень языковых категорий может быть продолжена, и вполне естественно, что прежде всего рассматривается оппозиция внутренний/внешний, особенно значимая для БММ. Языковые категории в данном случае выбраны по критерию субъективности, когда в качестве точки отсчёта выбран человек. В контексте БММ и БЯС это прежде всего категория определённости/неопределённости и категория пересказывания. Первая традиционно связывается с именем, точнее с именным дейксисом, вторая с глаголом, но обе коренятся в противопоставлении я-ты, где ~~я~~ни один из терминов немислим

без другого; они находятся в отношении взаимодополнительности, но по оппозиции "внутренний-внешний", и одновременно в отношении взаимообратимости» (Бенвенист). Пространство и человек сопряжены тем самым в особом отношении: пространство членится, когда в действие вступает классификатор, и тогда это членение становится субъективным, "по договору", в том смысле, что каждый фрагмент может выступать под разными знаками, быть то внутренним, то внешним, в зависимости от изменения масштаба и положения классификатора. Лингвистическое понятие дейксиса активизирует в последнее время исследования топологии пространства средствами языка (ср. понятие спационализованного дискурса). Эти рассуждения выводят дейксис за пределы имени и за пределы конкретных пространственно-временных указаний (того детального комментария, которое получает столь яркое выражение в БЯС - "пространственная подробность" предложно-наречных уточнителей). Однако больший интерес, как представляется, имеют не лексические средства для выражения оппозиции внутренний/внешний, а их категориальные аналоги; тогда с основанием можно говорить, что оппозиции БММ индуцируют и поддерживают соответствующие языковые и в свою очередь поддерживаются и индуцируются ими.

Пожалуй, наиболее яркое отражение на категориальном уровне языка оппозиции внутренний/внешний обнаруживается в балканославянском фрагменте БЯС (который в последнее время трактуется и как "союз в союзе" - Александр): именно здесь соответствия получили наиболее отлитое выражение. Дейксис помещает сообщение в пространственно-временные рамки, которые обеспечивают коммуникативный статус сообщения, т.е. связь с ситуацией и контакт между говорящим и слушающим. Категория дейксиса играет в БЯС особо отмеченную роль: парадигматический уровень БЯС демонстрирует своего рода сгущение дейктических элементов, и этот плеоназм отмечен несомненной "балканскостью" (ветвление системы артиклей; местоименная клитика, своего рода эхо, отражатель-усилитель; наконец, фатические - междометные - комплексы, "дейктические обращения" - определители адресата и адресанта). Стремление к "мультипликации", к дроблению происходит и на синтагматическом уровне: одновременное

употребление разных артиклей, местоименная реприза и т.п. Главной функцией балканского дейксиса остаётся присвоение субъектом пространства, идёт ли речь о реальном пространстве или о пространстве текста.

Употребление "пространственных" артиклей в балканославянском фрагменте ВНС является экспликацией этого положения. Речь идёт о тройном артикле в ряде болгарских, македонских и сербских говоров и в македонском литературном языке. Артикли образуют тройную оппозицию (-в/-с-, -м-, -н-), где средний член (определённый артикль) как бы нейтрален, а крайние обозначают объект соответственно близкий и далёкий по отношению к говорящему, взятому как точка отсчёта. Субъект сообщения определяет собственное пространство и его границы по расстоянию между объектами. Ментальный механизм, определяющий эти расстояния, получает лингвистическое выражение. При этом близкое ощущается как своё, далёкое как чужое (ср. болг. родоп. нашес край) и таким образом пространственно-временное членение идёт на фоне посессивности (ср. выше, о лёгкости трансформирования пространственных оппозиций в социальные).

Ситуации, когда говорящий произносит "свой собственный текст", анализируются достаточно просто: в таком случае он сам формирует своё пространство. Если говорящий является не автором сообщения, а исполнителем, т.е. произносит чужой текст, то ему не надо структурировать пространство текста - это уже задано, и это "готовое пространство" - чужое для говорящего, он находится вне его (посессивная оппозиция становится таким образом пространственной). В этом случае исполнитель не может изменить структуру пространства, но может по собственной воле выбрать своё положение внутри или вне пространства текста. Особенно интересную картину даёт в этом отношении фольклор. В тех же родопских песнях "дальний" артикль -н- почти вытеснил остальные: это может быть интерпретировано как выбор говорящим позиции вне пространства текста, который он передаёт как своего рода косвенную речь, или reported speech. Тогда -н- подчёркивает границу между текстом и говорящим; оппозиция близкий/далёкий реализуется не внутри, а вне текста; неизбежно лишь то, что говорящий является точкой отсчё-

та. Меняется жанр – и в сказке рассказчик присваивает себе активную роль участника, стремится войти в пространство текста. Это находит выражение в частности в отмеченной роли "близкого" артикля -с-/-в- (так в македонских сказках). Тем самым употребление артиклей переступает границы нормативной грамматики, обращаясь к отношениям между говорящим и текстом, который формирует он и который формирует его. Механизм расстановки артиклей, основанный на субъективности действия, позволяет рассказчику осуществлять своё видение текстового пространства.

Выбор говорящим внешней по отношению к тексту позиции, маркируемой артиклем -н-, означает удалённость, разъединённость в пространстве, возникающую между субъектом (говорящим) и объектом (содержанием) сообщения. Тогда правдоподобно приписать артиклю и участие в пересказывании, т.е. в несвидетельской передаче событий. "Дальний" артикль, выводящий говорящего из пространства текста, может подчёркивать и то, что тот передаёт чужое сообщение, которому он не был свидетелем (не видел сам). Это отсылает к глагольным категориям, и таким образом подтверждается та черта в структуре БЯС, которая в своё время была отмечена Мирамбелем для новогреческого: смазывание границ между именем и глаголом. Глагол не только ослабляет признак финитности, но и приобретает именные признаки, например в связи с категорией определённости/неопределённости (румынский). Обозначение с помощью артикля относительного положения объекта в пространстве, т.е. приобретение им "способности к передвижению", приближает имя к глаголу в его функции свидетельского и несвидетельского приобретения знания.

Приложение оппозиции внутренний/внешний (которая здесь может быть представлена и как оппозиция видимый/невидимый) к глагольным категориям и прежде всего к к категории пересказывания (КП) поддерживается мыслями Якобсона, предложившего термин evidential и противопоставление засвидетельствованность/незасвидетельствованность (и воспользовавшегося для иллюстрации болгарским примером). КП вводит опосредованное знание, представляя "сообщение о сообщении". Появление КП в ареалах многоязычия даёт основание считать актуализатором её

оформления как грамматической категории ситуацию языковых контактов, вызывающую усложнение акта коммуникации. Образование новой категории, с достаточно сложным материальным оформлением, как будто, противоречит стремлению к *super-simplification*, т.е. опровергает аграмматизм как одну из главных характеристик БНС. Однако следует помнить, что аграмматизм делает язык простым синтетически, но усложняет его аналитически. Это предполагает многозначность сообщения, которое говорящий и слушающий понимают по-разному.

Разница в понимании может быть запрограммирована. Такая языковая структура отражает особенности балканского менталитета в его стремлении к зыбкости и к уходу от дихотомии. Это свойство может корениться и в плане практическом (а не только в мистериальном прошлом Балкан): постоянные контакты с представителями иного побуждают к выработке средств, помогающих не обнаруживать свою позицию. Одним из способов такой маскировки и может, как кажется, служить определение своёй позиции в пространстве, в том числе и в пространстве текста: внутри/вне. Изначальной функцией КИ является однозначное различение своего/чужого, обеспечивающее необходимое в условиях контактов отделение себя от другого. Как только это произошло, актуализируется возможность варьирования, т.е. произвольного выбора позиции, и протагонистом в определённом смысле становится слушающий. Сообщение ориентировано не только на информацию в чистом виде, но и на определённую реакцию слушающего, перед которым открывается возможность разных толкований. В этой точке, возможно, и происходит обогащение КИ, в своих истоках нейтральной, эмоциональными значениями: возникает эмоциональная реакция на сообщение. Привнесённая в КИ эмоциональность, возможно, и дала основание выделять на уровне грамматики категорию адмиратива. В основе его лежит обозначение факта, не известного говорящему **д о м о м е н т а р е ч и**. В ММ почти универсально заложено эмоциональное восприятие ситуации перепада между состоянием "незнания" и состоянием внезапного приобретения "знания". Разница с нейтральным употреблением КИ заключается таким образом лишь в резкости перехода извне внутрь ситуации.

Вернёмся к оппозиции определённость/неопределённость, тем более, что она описывает глагольную парадигму балканославянского фрагмента БЯС, во-первых, и заложена в семантику и.-е. перфекта (который служит материальной основой К1), во-вторых. В приложении к глаголу, определённость/неопределённость означает прежде всего ограниченность/неограниченность во времени. Однако здесь можно видеть и связь с именным дейксисом, и она не только бросает ответ на систему глагольных категорий, но даёт возможность объединить и то, и другое под общим значением. И здесь и там речь идёт о категории субъективной по преимуществу и связанной с соответствующей ММ (в нашем случае - с БММ). Сближение именного дейксиса и глагольной К1 имеет в основе субъективность языка, которая на грамматическом уровне (БЯС) опирается на оппозицию определённость/неопределённость, а на семиотическом (БММ) - на оппозицию внутренний/внешний в разных её трансформациях (в том числе сугубо антропоцентричных - свой/чужой, видимый/невидимый); всё вместе объединяется амбивалентностью и стремлением уйти от прямолинейного ответа да/нет.

БАЛКАНСКАЯ МОДЕЛЬ МИРА :
ОТНОШЕНИЕ НОСИТЕЛЕЙ К СВОЕМУ ЯЗЫКУ

До сих пор речь шла о семиотических взаимоотношениях языка и ММ, об их ролях по отношению друг к другу, о специфичности языка, выступающего в функции метакода и в функции самостоятельного, автономного кода ММ; о том, что и в том и другом случае язык и подчинялся ММ, и влиял на неё, действуя по отношению к ней так же, как она - по отношению к нему, причём бессмысленно было бы искать, кому в данном случае принадлежит приоритет.

Однако есть ещё одна ипостась языка в БММ, которую балканистика, особенно если она хочет быть современной, должна учитывать. Это - восприятие языка как основного национального богатства. Для ситуации Балкан роль языка в комплексе язык ↔ мышление ↔ мир получает совершенно особое значение, во многих случаях определяющее. Язык становится точкой отсчёта,

центром, на который ориентированы исторические, политические, экономические, идеологические, наконец, эстетические и др. процессы и явления, казалось бы, с языком как таковым непосредственно не связанные. Отношение балканцев к родному языку можно трактовать как один из ярких балканизмов.

Повторим известные положения: историческое развитие и географическая структура Балкан содержат стимул и основу для развития постоянных межэтнических контактов. Можно сказать, что Балканы постоянно движутся - в прямом и переносном смысле. Свойство движения настолько задано Балканам, что оно является как бы внутренним мотором БММ, обеспечивающим её динамичность, чуткость к разного рода переменам, способность и к отторжению чужого, и к превращению его в своё. Но движение ощущается только по отношению к неподвижности, и динамика существует постольку, поскольку есть статика. Подвижность БММ не просто сосуществует, но опирается на её же консервативность; так же верно и обратное, - но это положение действует при условии отказа от бинаризма. Универсальным кодом ММ является язык, соответственно контакты реализуются прежде всего на языковом уровне. В случае Балкан хотелось бы обратить внимание на следующее: языки, в своё время служившие посредниками (ММ в разные эпохи и на разных территориях могли быть греческий, латинский, турецкий), по разным причинам это своё качество теряли; были и иные языковые потери (от фракийского до далматинского), но языковая пестрота и мозаичность Балкан сохранилась.

В этой подвижной ситуации постоянных обретений и потерь, совершающихся при этом не только в естественной постепенности, но и резко и нередко жестоко, основными ценностями являются не материальные, а идеальные: только они обеспечивают прочность своего д. Наиболее сильным гарантом становится язык, слово, имя, и есть полное основание подходить к нему как к тексту, аккумулирующему историю, духовную культуру и подтверждающему само существование его носителей. Острое отношение к языку является одной из основоположных черт БММ и объясняется не только формированием балканского менталитета в условиях многоязычия, когда свой язык должен был прежде

всего сохраняться как точка отсчёта, как свой дом, но и тем, что в жизни балканца периодически возникали угрозы подавления и потери родного языка. Поэтому полилингвизм всегда существовал с монолингвизмом, реализуя на языковом уровне то же соотношение динамики и статики: носительницей родного языка и только его в семье становилась женщина, охраняющая – в контексте характерного для балканского общества сочетания далеко идущих и быстро развивающихся инноваций – архаичное наследие, бдительно оберегающая единственный, свой язык. Осознанию особой ценности языка способствовало и эмоциональное к нему отношение, стимулируемое недобровольным (если не насильственным) введением чужого. Это чувство эмоционального протеста было конструктивным прежде всего потому, что оно послужило одним из самых сильных стимулов развития национального самосознания, стержнем объединения, который был насущен каждому, поскольку он поддерживал и чувство личности, и чувство принадлежности к своему народу. Более того, пристрастное отношение к языку способствовало и выработке остранённого к нему отношения, уводя от того аморфного состояния, когда язык воспринимается как данность, как неотчуждаемая – и потому незамечаемая – собственность.

Национальное возрождение Балкан связано не только со становлением своего языка и избавлением от чужого, но и с борьбой за то, каким должен быть свой язык. Для того, чтобы удержаться на своём месте и не быть унесённым потоком иного, homo balcanicus должен был выработать особое ощущение своего языка, который становился почти осязаемой субстанцией, материальным воплощением национальной сущности, той непреходящей и абсолютной собственностью, которая и есть осуществление и самое сильное выражение прочности своего я. Однако определение твёрдой позиции не обязательно означает непризнание иного. В БММ это проявляется отчётливо также в связи с языком. Чужой может восприниматься не только как враг, но и как партнёр по контактам, как потенциальный друг; соответственно и чужой язык становится необходимым инструментом коммуникации и в этом своём качестве он равноправен своему, он

потенциально свой. Повышенная бережность к сохранению и обогащению своего языка сочетается с гибким отношением к чужим (по меньшей мере признаётся неединственность своего).

Суммировать многократно описанную языковую историю Балкан можно следующим образом: пестрота языков и диалектов, постоянное движение и перетекание, в котором нельзя найти чётко выделенные начало и конец; в то же время – языковые реформы, жёстко декретирующие новое языковое состояние; наконец, развитие языка в рамках реформы – согласно ей, вопреки ей или независимо от неё.

*

*

*

Подводя итоги сказанному, можно повторить, что концепт ЯС, сыгравший столь важную роль в развитии лингвистической балканистики (даже будучи недостаточно понят и воспринят), сохраняет своё стимулирующее значение и в современной балканистике, всё в большей степени приобретающей комплексный характер, устремлённой к БММ и постольку – к языку (впрочем, в той же степени верно и обратное). В конце концов речь идёт о решении той задачи, которая была поставлена автором теории языковых союзов – Трубецким: "сравнительное изучение внешнего проявления нескольких соседних друг с другом этнологических личностей позволяет делать заключения о характере духовного родства между этими личностями ... общим предметом ... исследования является именно данная конкретная многоличностная личность в её физическом окружении".

НАБОР ЭСК СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ БНС*

Подчинительная связь

Управление

- I. Nom + Nom_{obl} ДОМ ОТЕЦ/ОТЦА-У, ОТЕЦ МЕНЯ-МНЕ.
II. Nom = Adj √ Part + Nom_{dir} (acc) ПОЛНЫМ ВОДА/ВОДУ,
ЖЕЛТАЯ ЛИМОН, ВИДЯЩИМ МЕНЯ.
III. Vb + Nom_{dir} (nomin) СТАНОВИТСЯ УЧИТЕЛЬ, БЕГУ СТРЕЛА,
ПРИХОЖУ ВЕЧЕР, КАЖЕТСЯ УСТАЛЫМ.
IV. Vb + Nom_{obl} ГОВОРИТ ЧЕЛОВЕКА-У, ГОВОРИТ МЕНЯ-МНЕ.
V. Vb + Nom_{dir} (acc) ДАЕТ КНИГА/КНИГУ, ВИДИТ МЕНЯ.
VI. Praep. + Nom_{dir} (nomin, acc) ОЛ ВОДА/ВОДУ, ОЛ МЕНЯ.

Согласование

- VII. Nom + Nom = Adj ЧЕЛОВЕК (Art) ХОРОШИИ.
VIII. Nom + Nom = Part ЧЕЛОВЕК ВИДЯЩИИ.
IX. Nom = Subst + Nom = Subst РЕКА ДУНАЙ, СТАКАН ВОДА,
ЗУБЫ ЖЕМЧУГ.
X. Nom_{dir} (nomin) + Vb_{fin} ЧЕЛОВЕК ЧИТАЕТ.
XI. Nom_{dir} (nomin) + Vb_{abs} ЧЕЛОВЕК ЧИТАЯ (ЧИТАЮЩИИ)
РАССВЕЛО
(т.е. "когда человек читал,
рассвело").

* См.: Цивьян Т.В. Синтаксическая структура балканского языкового союза. М., 1979, с.216-221; С - полнозначный элемент, Z - неполнозначный элемент, P - предложение.

Примыкание

XII. Vb + Adv	ЧИТАЕТ ГРОМКО.
XIII. Vb _{fin} + Vb _{abs}	ЧИТАЕТ, ЗАСЫПАЯ.
XIV. Nom + Adv	ВОДА МАЛО, БОЛЬШОЙ ОЧЕНЬ, ОКНО ВНИЗУ.
XV. Adv + Adv	ОЧЕНЬ ХОРОШО, ТАМ ВДАЛИ, ПРЯМО ВПЕРЕД
XVI. Adv + Praep	ВМЕСТЕ С, ДАЛЕКО ОТ.
XVII. Praep + Adv	ОТ ДАЛЕКО, В СРЕДИ.
XVIII. Cvr + z	НО ЧЕЛОВЕК ЧИТАЕТ, ОН ЖЕ.
XIX. z + z	ОТ НА, БЕЗ ОТ, ДЛЯ ЧТОБЫ, СКОЛЬКО И ЧТОБЫ, НО НЕ ПУСТЬ И ...

С о ч и н и т е л ь н а я с в я з ь

XX. c + c	ДРУЗЬЯ, ВРАГИ; ПИШЕТ, ГОВОРИТ.
XXI. C _(co) + C _{co}	(И) ДРУЗЬЯ И ВРАГИ; НИ ПИШЕТ, НИ ГОВОРИТ.

Примеры соотношений полнозначных и неполнозначных элементов в предложении:

И ВОТ НЕ ЧТОБЫ ЕМУ ЕГО ДАЛ; НО ПУСТЬ ЧТОБЫ НЕ ЕЁ УНАСЛЕДОВАЛ;
ХОЧУ ЧТОБЫ ЕМУ ЕЁ ПОСЫЛАЮ; ЧЕЛОВЕК ЧТО Я ЕГО ВИЖУ; Я ПРИШЁЛ
ДЛЯ ЗДЕСЬ ЧТОБЫ Я РАБОТАЛ.

* * *

Основные положения доклада отражены в следующих работах:

МОНОГРАФИИ

1. Имя существительное в балканских языках. К структурно-типологической характеристике балканского языкового союза. М., 1965, 12,5 л.
2. Синтаксическая структура балканского языкового союза. М.,

1979, 16 л.

3. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990, 16 л.

СТАТЬИ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

4. О возможности применения ареально-типологических методов для исследования балканского языкового союза // Советское славяноведение. № 3, 1966. 1 л.
5. Об одном случае сходства между румынским и албанским языками // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М., 1966, 0,5 л.
6. Исследования З.Голомба по балканистике // Структурная типология языков. М., 1966. 0,5 л.
7. К проблеме построения грамматической модели языка-посредника в системе БЯС // Сообщения советской делегации. I конгресс балканских исследований. М., 1966. 1 л.
- 7а. То же // Actes du Premier congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. Sofia. VI. 1968.
8. Аппозиция в связи с некоторыми тенденциями развития синтаксических структур новогреческого языка // Балканское языковедение. М., 1973. 4 л.
9. О некоторых способах отражения в языке оппозиции внешний/внутренний // Симпозиум по кибернетике. Тезисы. Тбилиси. 1970. 0,1 л.
10. Баллада о "мертвом брате" в балканском фольклоре // Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам 17-24 августа 1970 г. Тарту. 1970. 0,3 л.
11. Мотив "Возвращение мёртвого брата" в балканском фольклоре // Труды по знаковым системам VI. Тарту. 1973. 2 л.
12. К семантике пространственных и временных показателей в фольклоре // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту. 1973. 0,3 л.
- 12 а. То же // Расковник. Београд. № 31, 1982.
13. Румынские тексты о персонифицированных днях недели // Исследования по грамматической типологии славянских языков. М., 1973. 3,5 л. (с Т.Н.Свешниковой).

14. Оппозиция внешний/внутренний и её отражение в языке // Там же. 1,5 л.
15. Предложения по сопоставительной грамматике балканских языков // Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков. Тезисы и материалы. М., 1973. 0,4 л.
16. Обзор основных изданий по современной лингвистической балканистике // Там же. 1,5 л.
17. Лингвистическая балканистика в СССР // Бюллетень AISEE. Бухарест. 1974. 0,3 л.
18. О построении синтаксиса в грамматике БНС // Доклад на III международный конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. М., 1974. 0,7 л.
- 18а. То же // Балканский лингвистический сборник. М., 1977.
19. К семантике дома в балканских загадках // Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам 1 (5). Тарту. 1974. 0,3 л.
20. Предложения к описанию синтаксиса новогреческого языка с помощью элементарных синтаксических конструкций // Славянское и балканское языкознание. М., 1975. 1,5 л.
21. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке (на материале албанской сказки) // Типологические исследования по фольклору. М., 1975. 1,5 л.
22. О структуре одного класса операционных текстов в румынском языке (обработка конопля) // Симпозиум по структуре балканского текста. Тезисы докладов и сообщений. М., 1976. 0,3 л.
23. Морфосинтаксические функции новогреческого артикля в аспекте грамматики БНС // Славянское и балканское языкознание. М., 1976. 3 л.
24. Хроника симпозиума по структуре текста // Советское славяноведение. 1977. № 3. 0,3 л.
25. История лингвистической балканистики в СССР // Основные проблемы балканистики в СССР. М., 1977. 1 л.
26. "Повесть конопля": к мифологической интерпретации одного операционного текста // Славянское и балканское языкознание. М., 1977. 1 л.

27. Балканские дополнения к индоевропейскому мифу о Громовер-
жце // Балканский лингвистический сборник. М., 1977.
I, 5 л.
28. "Дом" в балканской загадке // Труды по знаковым системам
Х. Тарту. 1978. I л.
- 28а. То же // Literatura ludowa. N 3. 1978. Wrocław.
29. К семиотике посуды в восточнороманском фольклоре // Эт-
ническая история славян и восточных романцев. М., 1979.
3 л. (с Т.Н.Свешниковой).
- 29а. То же // Semnificație și comunicare în lumea contempro-
rană. București. 1985.
30. Категория определённости/неопределённости в волшебной
сказке (на материале албанской сказки) // Категория оп-
ределённости-неопределённости в славянских и балканских
языках. М., 1979. I л.
31. Об одном "александрийском" стихотворении Кавафиса // Слав-
янское и балканское языкознание. М., 1979. I л.
32. Синтаксическая структура БЯС: ведущий принцип // Доклады
на IV Международный конгресс по изучению стран Юго-вос-
точной Европы. М., 1979. I л.
- 32а. То же // Балканские исследования. М., 1982.
33. Категория видимого/невидимого: балканские маргиналии //
Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979. 0,5 л.
34. К реконструкции одного мифологического текста в балто-
балканской перспективе // Структура текста. М., 1980.
3 л. (с Т.М.Судник).
35. Морфологический уровень в описании БЯС // Славянское и
балканское языкознание. М., 1981. 0,8 л.
36. Рец. на книгу: О.М.Фрейдберг. Миф и литература. М. 1978.
// Известия ОЛЯ. № 2. 1981. 0,5 л.
37. Сады Адониса: комментарий к ритуалу // Структура текста-
81. Тезисы и материалы. 1981. 0,3 л. М.
38. Пространство и время в балканских охранительных обрядах,
связанных с рождением ребёнка // Македонски фолклор.
Скопје. № 29-30. 1982. 0,5 л.
39. О мифологии лягушки (балто-балканские данные) // Балто-
славянские исследования 1981. М., 1982. I л. (с Т.М.

- Судник).
40. Из балто-балканского мифологического гербария: рута, мята // Балто-славянские этноязыковые отношения в прошлом и настоящем. Тезисы конференции. М., 1983. 0,2 л.
 41. Изучение грамматического строя болгарского языка в свете балканистики (проблемы и перспективы) // Советская болгаристика. М., 1983. 0,3 л.
 42. Об одном особом аспекте посессивности: Dat. ethicus и его трансформы // Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Тезисы. М., 1983. 0,2 л.
 43. К типологическому анализу механизма билингвизма // IX Международный съезд славистов. Доклады. Славянское языкознание. М., 1983. 1 л. (с Т.М.Судник).
 44. Об одном аспекте посессивности и способах его выражения в балканских языках // СлЯ. Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984. 0,3 л.
 45. О мифопоэтическом использовании ботанического словаря на Балканах // Античная балканистика. Тезисы конференции. М., 1984. 0,1 л.
 46. Предисловие // Паремнологические исследования. Сборник статей. М., 1984. 0,7 л.
 47. Змея-птица: к истолкованию тождества // Фольклор и этнография. Л., 1984. 1 л.
 48. К мифологической интерпретации восточнороманского колядного текста "Плугушор" // Славянский и балканский фольклор. М., 1984. 1,5 л.
 49. Мифологическое программирование повседневной жизни // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. 1,5 л.
 50. Об одном типологическом схождении в маргинальных зонах балто-балканского ареала // Международная конференция балтистов. Тезисы. Вильнюс. 1985. 0,1 л.
 51. Ещё раз о гомер. φιλός в связи с проблемой посессивности // Славянское и балканское языкознание. М., 1986. 0,7 л.
 52. Международная встреча балканистов в Западном Берлине // ИАИРСК. Информационный бюллетень. № 15. 1986. 0,3 л.
 53. Мотив первожертвы в основном мифе // Балканы в контексте

- те Средиземноморья. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1986. 0,2 л.
54. La femme aux Balkans - conservatrice de l'information sacrée // Balkanologische Veröffentlichungen. B.I2. Berlin. 1987. I л.
55. Мотив суда/спора цветов в балканском фольклоре и "одористический код" в античной традиции // Античная балканистика. М., 1987. 0,5 л.
56. К семиотической интерпретации мотива лестницы-"лесенки" в античной вазописи (вокруг Адониса и Диониса) // Исследования по структуре текста. М., 1987. I л.
57. Un aperçu sur la catégorie de la deixis dans le système grammatical de l'ULB // Cahiers balkaniques. Paris 1987. 0,8 л.
58. Слово в тексте магического действия // Этнолингвистика текста. I. Тезисы конференции. М., 1987. 0,2 л.
59. Перфект I, перфект II и категория пересказывания в македонском языке: к постановке проблемы // МАНУ. Прилози 1986. Скопје 1988. 0,5 л.
60. К структуре славянского текста о Небесной свадьбе (реконструкция фрагмента) // X Международный съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор. М., 1988. I л.
61. К анализу одного типологического схождения в маргинальных зонах балто-балканского ареала // Baltistica. Вильнюс. I. 1988. I л.
62. Кон категоријата на деиксисот во балканскиот јазичен сојуз // МАНУ. Прилози 1987. Скопје. 1989. 0,5 л.
63. Рец. на книгу: Sprachen und Nationen im Balkanraum. Wien. 1988. // Советское славяноведение. № I. 1989. 0,3 л.
64. Балканская картина мира в этноязыковом и культурно-историческом аспекте. Вступление к Круглому столу // Советское славяноведение. № 4. 1989. 0,2 л.
65. Modèle du monde^{et} sa carcasse linguistique // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. Лингвистика М., 1989. 0,5 л.
66. Образ и смысл жертвы в античной традиции // Палеобалканистика и античность. М., 1989. I л.
67. О поэтике Кавафиса sub specie балканской картины мира //

- История культуры и поэтика. Тезисы конференции. М., 1989. 0,1 л.
68. О лингвистических основах модели мира (на материале балканских языков и традиций) // Славянский и балканский фольклор. М., 1989. 1 л.
69. Новогреческий клидон и его античные истоки // Балканские чтения I. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1990. 0,2 л.
70. Феномен пастушества в балканской модели мира // Человек в культуре Центральной и Юго-Восточной Европы. Тезисы конференции. М., 1990. 0,1 л.
71. О греческом обряде клидон и его семантических мотивировках // Studia slavica. К восьмидесятилетию С.Б. Бернштейна. М., 1991. 0,5 л.
72. Об одном из смыслов, заключённых в понятии граница (от "Миорицы" до Хармса) // Советское славяноведение. № 1. 1991. 0,4 л.
73. О категории запаха в балканской модели мира // Balkanologische Veröffentlichungen. В.19. Berlin. 1991. 0,7 л.

Подписано в печать и в свет 22.1.92.

ЗАКАЗ № 20 ТИРАЖ 100 экз.

ВНИПИстатинформ. Ротапринт

